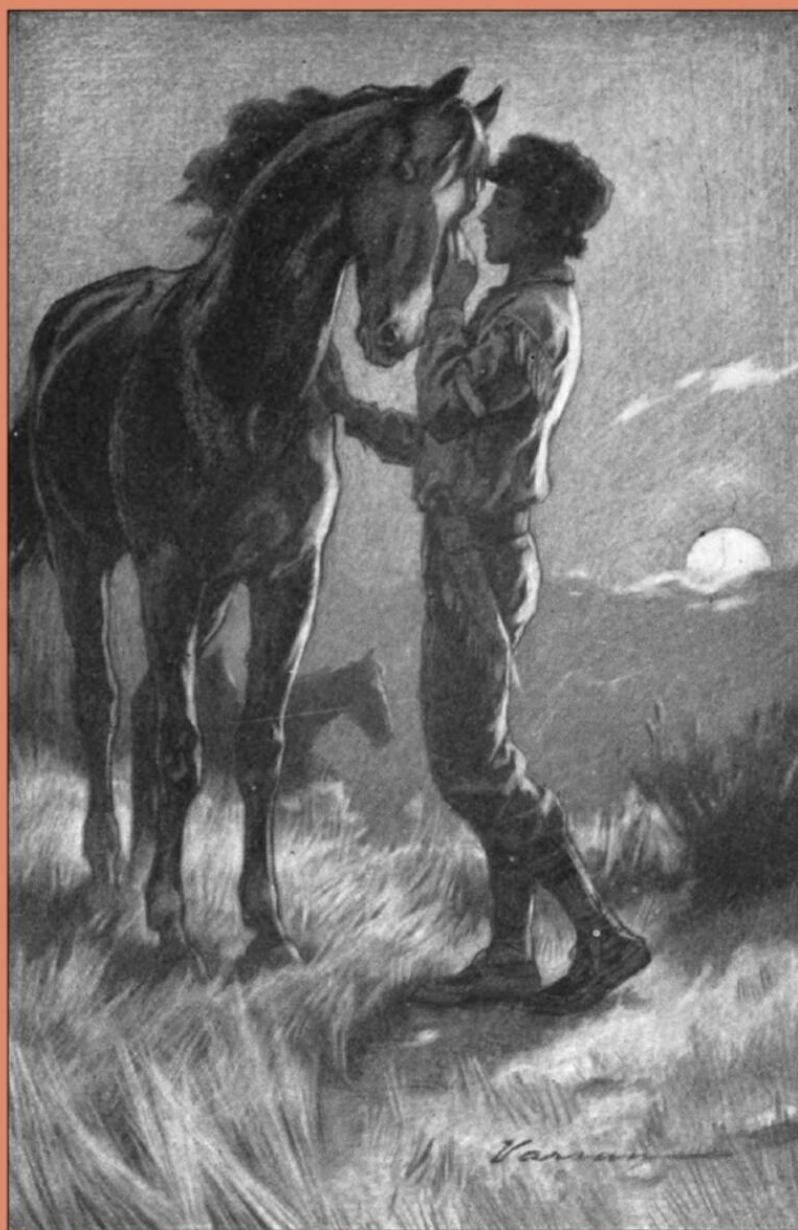

По следам испанского скакуна

Джеймс Уиллард Шульц

Джеймс Уиллард Шульц

По следам испанского скакуна

«Автор»

2022

Шульц Д.

По следам испанского скакуна / Д. Шульц — «Автор», 2022

Том Фокс не послушал дядю, и в результате украден прекрасный испанский скакун, известный всей прерии, и следы похитителей смыты дождем. Два неразлучных друга - Том Фокс и Питамакан - пустились на его поиски.

© Шульц Д., 2022

© Автор, 2022

Джеймс Уиллард Шульц

По следам испанского скакуна

Глава I,

в которой появляются солнечные псы

В конце теплого весеннего дня в апреле 1867 года яркие пятна появились к северу и к югу от заходящего солнца. Я заметил их, возвращаясь в вигвам после того как напоил ис-спай-у и привязал ее на участке у самого лагеря, где выросла новая бизонья трава.

– Солнечные псы! – сказал я себе. – странно, что они появились в это время; обычно их видно холодными зимними днями.

Мое сердце взволновалось. Я так давно жил среди черноногих и стал им так близок, что воспринимал их верования как свои. Солнечные псы предвещали неприятности, которые должны вскоре произойти со всем племенем или с кем-то из тех, кто к нему принадлежит.

Я вошел в вигвам и сел рядом со своим почти-братом, Питамаканом – Бегущим Орлом. Мы с ним делили покрытую шкурой теплую лежанку справа от костра. Напротив нас на своей лежанке сидела его сестра. Заднюю часть вигвама занимала его мать, главная жена Белого Волка. Сам вождь был где-то в лагере, и мы ожидали его прихода, чтобы поужинать вареными бизоньими ребрами.

Мы были охотничьим отрядом в сорок вигвамов клана Маленьких Накидок из племени пикунни, или южных черноногих. Остальная часть клана, в том числе остальные жены и дети Белого Волка, находились в большом лагере племени у форта Военной Тропы, который мой дядя Уэсли построил за два лета до этого в устье реки Устричных Раковин. Мы отошли от лагеря на день пути и не нашли там достаточно дичи; утром мы собирались подняться по ручью Плоских Ив к подножию Снежных гор, где ожидали найти разнообразную дичь.

Когда я вошел внутрь, Питамакан смазывал тонким слоем жира ложе своего ружья – прекрасного оружия, стрелявшего пулями весом по тридцать две штуки на фунт, и, тщательно полируя темную древесину, пел песню волка, которая должна была принести ему удачу на охоте. Он пропел ее четыре раза – священное число, и все мы – его мать, сестра и я – были заворожены красивой мелодией песни и чистым глубоким голосом певца. Он закончил довольным восклицанием «Кай!» и положил ружье на лежанку позади себя. Женщины, довольно улыбаясь, закончили работу над мокасинами, верх которых они расшивали.

Мы услышали приближающиеся шаги, и Белый Волк, откинув дверное полотнище, вошел в вигвам. Он позволил полотнищу опуститься за ним, медленно прошел за очаг, с тяжелым вздохом опустился на лежанку и произнес:

– Солнце нарисовало само себя!

– Кай-йо – одновременно воскликнули мать с дочерью.

– Будут неприятности, – сказал Питамакан, бросив взгляд на ружье.

– Я тоже видел это перед тем, как войти в вигвам, – сказал я.

– Давай еду, – сказал жене Белый Волк. – Надо быстро поесть, а потом я должен идти к Красному Орлу, просить его помолиться за нас.

– Перед тем, как есть вареные ребра, ты должен отведать священной еды! – воскликнула она и положила на каждую тарелку с мясом по горсточке толченых вяленых вишен.

Мы отрезали по кусочку мяса, закопали его в землю и воскликнули:

– О Солнце! О Мать-Земля! Мы жертвуем вам свою пищу! Будьте добры к нам и дайте нам пережить все опасности, которые могут ждать нас этой ночью!

Ужин прошел в тишине; все знали, что солнце просто так не дает предупреждений и ночью нас ждут неприятности.

– Солнце в своем милосердии предупредило нас об опасности, всех нас или кого-то из нас, здесь или в большом лагере у форта, – сказал вождь, когда мы поели. – Мы должны молиться и принести богам жертвы, и принять все предосторожности против врагов и против опасностей, подстерегающих нас на охоте. Вы, юноши, и вы, моя жена и дочь – хотя нет; я сам пойду к Красному Орлу и, когда вернусь, расскажу все подробнее.

Никто из нас не произнес ни слова, когда вождь вышел. Мать и дочь вымыли деревянные тарелки и ложки из рога и убрали их, но к своей работе с мокасынами никто из них не вернулся. Мы вчетвером сидели вокруг маленького костра, разведенного из веток хлопкового дерева, и из всех четверых самое плохое настроение было, очевидно, у меня: ведь это я нарушил распоряжение дяди. Как я хотел бы снова оказаться в форте вместе с ис-спай-у, которая была бы в полной безопасности за оградой под защитой пушки!

Тут мы услышали голос старого Красного Орла, который созывал старших в лагере прийти к нему и участвовать в церемонии разворачивания его магической громовой трубки. Я вышел и увидел, что ис-спай-у жадно тянется к новым пучкам травы. Я похлопал ее по лоснящейся ляжке и бросил взгляд на залитую лунным светом равнину; у меня возникло желание оседлать ее и поскакать на ней в форт с такой скоростью, на которую она способна. Но я испугался опасностей, который могут подстерегать меня ночью.

– Ис-спай-у – шепнул я ей, – на рассвете мы отправимся домой!

Когда я вернулся, дюжина голосов в вигваме Красного Орла затянула первую из магических песен грома – песню бизона. Я представил, как старик и его главная жена склонились над священным свертком с трубкой, лежащим на лежаке между ними, и сжатыми кулаками имитируют тяжелую поступь бизона, сопровождая эти действия медленной причудливой мелодией, заставляющей сердце биться в предчувствии чего-то необычного. Я даже уловил некоторые слова песни: «О Древние! О Вы, наша пища, наша одежда, наше жилище! Дайте нам жить! Позвольте нам пережить опасности, которые угрожают нам!»

Это была молитва первым бизонам – они могли принимать человеческий облик и говорить с людьми на их языке.

– Почти-брат, – сказал я Питамакану, как только снова оказался рядом с ним на нашей лежанке, – этой ночью мы должны охранять наших лошадей!

– Да, должны, – согласился он.

– Ну так пошли.

– Слишком рано; военные отряды не станут нападать на лагерь, пока не погаснут костры и люди не уснут. Давай останемся здесь, у очага, по крайней мере до возвращения моего отца.

– Хорошо, ответил я. Но как же мне хотелось накинуть плащ, взять ружье и выйти к ис-спай-у! Только опасение стать объектом удивления и насмешек, если бы я так поступил, удержало меня на месте.

В вигваме Красного Орла зазвучала другая мелодия.

– Песня Антилопы! Давайте споем ее вместе с ними, – сказала добрая мать. Мы так и сделали. Потом вместе с ними мы в свою очередь спели песню Волка и песню медведя Гризли.

В другом вигваме священный сверток был развернут, и всем был показан великолепно украшенный перьями и полосками меха чубук громовой трубки. Потом старый шаман взял угли из очага, положил на них пучок сухой сладкой травы и очистил руки в струйках душистого дыма.

– Ха! Теперь он поднимает священный чубук! И теперь он танцует с ним! – крикнул Питамакан.

Теперь там зазвучал дикий мотив танцевальной песни Птицы Грома, низкий и очень печальный. Он так проник в наши души, что мы задрожали. Я видел, что мать и дочь склонили головы в молитве и подняли руки к небу. Тут песня была внезапно прервана грохотом выстрелов и дикими криками со всех сторон нашего лагеря; в вигвамах орали женщины и дети, а мужчины звали друг друга. Пуля влетела в наш вигвам и задела верх моего правого плеча. Другая попала в очаг, осыпав женщин углями и золой.

– Ложитесь, вы обе! И лежите! – крикнул им Питамакан, а мы схватили свои ружья и выбежали в ночь, он к тому месту, где он привязал любимых лошадей – своих и его отца, я к своей поляне с зеленой травой. Меня прошиб холодный пот. Я захотел умереть. Ис-спай-у там не было!

Я был столь ошеломлен своей потерей, что даже не знаю, как долго я простоял там и что происходило вокруг меня. Я наконец понял, что кто – то зовет:

– Отахтой! Отахтой!

– Я здесь! – сумел ответить я, и затем Питамакан положил руку на мое раненое плечо, и сильная боль вернула меня к действительности. Стрельба и вопли врагов прекратились. Где-то в ночной темноте они убегали с нашими лучшими лошадьми. После двухлетних коварных попыток они, наконец, использовав мою ошибку – нарушение приказа дяди – заполучили ис-спай-у. Я громко застонал. Я не мог больше появиться перед дядей.

– Ладно, что сделано то сделано, – сказал Питамакан. – Мы до утра ничего не можем сделать. Пошли!

Я последовал за ним. Мы слышали, как женщины в верхнем конце лагеря оплакивают убитых и миновали несколько групп мужчин, которые взволнованно что-то обсуждали.

Когда мы вошли в наш вигвам, Белый Волк пришел прямо вслед за нами.

– Ну, как я думаю, ис-спай-у у них? – сказал он.

Я кивнул.

– И пять наших, которых я привязал, – добавил Питамакан.

Он тяжело вздохнул.

– Кто бы мог подумать, что на нас нападут так рано? Как быстро они появились после предупреждения, которое нам послала Солнце! Ведь мы только начали молиться и приносить жертвы! Они убили Короткого Лука и Солнечную Ласку, и ранили женщину Большого Медведя, Хорошую Певицу, – сказал он.

При этих словах мать и дочь pokrыли свои головы плащами и заплакали.

Скоро главные мужчины лагеря стали входить в вигвам по двое-трое, пока там совсем не осталось свободного места; все молчали, пока Белый Волк не наполнил свою большую трубку и не пустил ее по кругу.

Тогда один из них сказал:

– Интересно, гонят ли они наши табуны вместе со скакунами?

– Я сомневаюсь, – ответил вождь. Они получили ис-спай-у, как вы знаете, и не рискнут дать нам возможность отбить ее. Они помчатся домой с такой скоростью, на которую способны.

Разговор продолжался, но я скоро утратил нить беседы; я был слишком несчастен, чтобы слушать. Я продолжал твердить самому себе: «Я потерял ис-спай-у! Что теперь будет, что делать?»

Позвольте мне сказать об ис-спай-у, испанской лошади. За несколько лет до этого Один Рог, великий воин пикуни, повел военный отряд на юг, в землю вечного лета, как называли мы Мексику. Год спустя он появился в форте Бентон, сидя на прекрасной черной лошади и страдая от старой раны. Он был единственным оставшимся в живых из его отряда, и он был настолько плох, что мой дядя и его жена – моя почти-мать, Цисцаки – унесли его в нашу комнату и ухаживали за ним, как могли. Со своим последним вздохом он взял моего дядю за руку и сказал ему:

– Далекий Гром, с первой нашей встречи мы были друзьями. Ты был очень добр ко мне. А теперь пути наши расходятся: этой ночью я иду по длинной тропе к Песчаным Холмам. Я отдаю тебе мою черную лошадь. Я взял ее в сражении с испанцами на земле, где всегда лето. На севере, юге, востоке и западе это самый быстрый скакун на всех равнинах. Я знаю, что ты будешь хорошо обращаться с ним. Все! Я не могу больше говорить.

Так умер храбрый старый воин, и с любовью и заботой женщины обернули его и его оружие в несколько одеял и плащей и устроили ему достойные похороны ниже форта.

Вскоре после этого дядя оседлал ис-спай-у и направил его к стаду бизонов, которое паслось неподалеку. С помощью лука и стрел он убил двадцать семь бизонов, самое большое число из тех, что охотник когда-либо смог убить в течение одной погони, и все это благодаря замечательной скорости и выносливости лошади. Несколько индейцев кутенаи, которые наблюдали эту охоту, предложили дяде за эту лошадь все, что у них было, но он только посмеялся над ними. Они вернулись в свою страну и распространили слухи об этом замечательном скакуне среди всех племен Запада. Позже, когда некоторые из наших охотников добрались до форта Юнион, они и там рассказали о замечательном скакуне, и слава о нем распространилась по всем равнинам, как среди наших друзей, которые пытались его купить, так и среди врагов, которые пытались его украсть. Тогда же, в начале лета Американская Меховая Компания вышла из бизнеса, и мой дядя решил самостоятельно заняться торговлей и построить форт в устье реки Устричных Раковин, на самой большой военной тропе всего Северо-запада. Там, пока мы строили форт, нас окружали военные отряды Ворон, ассинибойнов, янктонов и других, которые пробовали увести у нас ис-спай-у, и в стычках с ними мы потеряли не одного нашего работника.

И вот теперь из-за моего глупого непослушания ис-спай-у была в руках врага. Всего за четыре недели до этого, когда на Миссури сошел лед, мой дядя отправился в далекий Сент-Луис на лодке с четырьмя путешественниками, чтобы заказать большую партию товаров, которые должны были доставить ему первым пароходом новой навигации. Накануне вечером, прежде чем отправиться спать, он оставил форт на меня, Цисцаки, мою почти-мать, и Соломона Эбботта, храброго и преданного жителя равнин. Мне он сказал:

– Ты, Томас, мальчик мой, должен проявлять всю возможную заботу об ис-спай-у. Ты будешь кормить его хорошо и регулярно, и выезживать его, когда он застоится. Но помни: пришла весна, и вокруг появляется множество вражеских военных отрядов; никогда, ни при каких обстоятельствах не выезжай на ис-спай-у так далеко, чтобы тебя из форта не было видно!

– Как скажешь, – сказал я ему, и сдержал свое обещание до того, как Белый Волк и часть клана Маленьких Накидок решила подняться вдоль реки Устричных Раковин для небольшой охоты, и Питамакан попросил меня пойти с ним. Цисцаки и Эбботт с готовностью отпустили меня, и Эбботт сказал, что сам будет заботиться об ис-спай-у, пока меня здесь не будет; но тогда мне в голову пришла мысль взять лошадь на охоту и поохотиться с ней на бизонов. Весь тот вечер и всю беспокойную, бессонную ночь я сопротивлялся искушению, но с рассветом мои опасения рассеялись. Под защитой сорока вигвамов воинов и охотников, сказал я себе, ис-спай-у будет в полной безопасности. Рано утром я собрал свои постельные принадлежности, которые собрался погрузить на одну из выючных лошадей, и сказал Питамакану, чтобы он меня не ждал, я выйду позже и утром догоню его. В табуне Питамакана и Белого Волка у меня было несколько моих собственных лошадей, я поймал одну из них, привел в форт и оседлал.

За завтраком Эбботт сказал:

– Я вижу, что ты оседлал своего пегого скакуна для охоты.

– Да, – ответил я.

– Ха! Это хорошая лошадь, быстрый скакун, – сказала Цисцаки. – С ним ты добудешь для нас много жирного мяса.

При этих словах мне стало стыдно. Я уставился на свою тарелку и почувствовал, что мое лицо стало красным. Я сказал сам себе, что не возьму ис-спай-у. Я надеялся, что они не заметили моего смущения. Я тайком бросил взгляд на мою почти-мать и затем на Эбботта. Оба были полностью поглощены едой. Я встал из-за стола и, захватив свое ружье с боеприпасами, поспешил через двор к пегой лошади, сел на нее и выехал через широкие ворота форта.

Вдалеке я мог видеть караван охотников Белого Волка – длинную линию конных мужчин и женщин, лошадей, тащивших траву, навьюченных и пустых, растянувшихся вдоль реки. Я ускорил ход, чтобы настигнуть их, и миновал внешние границы большого лагеря. Снова я испытывал желание взять ис-спай-у. Мгновение или два я боролся с ним; все же мое желание победило. «Я возьму ис-спай-у» – сказал я себе и вернулся к форту. – «Под защитой всех этих охотников и воинов никакой вред не будет ей причинен!»

На небольшом расстоянии от форта я привязал пегую лошадь к кустам, пошел прямо в конюшню и вывел пританцовывавшую, возбужденную лошадь.

Когда я проходил мимо нашего дома, вышел Эбботт и сказал:

– Ты ведешь ис-спай-у на водопой? Я как раз сам собирался это сделать.

Я не мог говорить. Мое сердце быстро билось. Я кивнул и поспешил прямо к реке. Конечно, я собирался напоить лошадь. Это не было ложью; но ложью было то, что я хотел сделать! Когда я вывел лошадь на ровное место с крутого берега, страх вернулся ко мне. Я свернул было на тропинку к воротам форта, а затем...

– Нет, я не поведу его в конюшню! – сказал я себе. – Я хочу всего лишь несколько раз поохотиться на нем на бизонов!

Несколько минут спустя, верхом на ис-спай-у и ведя в поводу пегую лошадь, я торопился, чтобы догнать караван.

Теперь представьте меня, лежащего там на своем лежаке, со столь больной душой, что я даже не мог слышать ни одного слова из разговора.

Внезапно меня привел в себя мощный голос Оперенного Быка.

– Мы должны отомстить за наших убитых, – ревел он. – Мы должны вернуть наших скакунов; завтра я поведу военный отряд по следу врага.

– И я пойду с тобой! – закричал я. – Я должен вернуть ис-спай-у. Я сам должен это сделать!

Белый Волк бросил на меня жалеющий взгляд и тряхнул головой. Потом, обернувшись к Оперенному Быку, он сказал:

– Друг, нас слишком здесь мало, чтобы собрать военный отряд; мы не можем погнаться за врагом и оставить здесь женщин и детей, чтобы их убили другие враги, которые могут пройти этой дорогой. Вот что мы можем сделать: несколько человек пусть выяснят, кто эти враги, напавшие на наш лагерь, а другие пусть вернуться в большой лагерь к нашим людям, чтобы собрать большой отряд и пойти по их следу.

– Хорошо сказано! Мудрый совет! – воскликнул старый Красный Орел. – Надо предложить вождям переместить сюда весь лагерь. День за днем люди сидят там в безделье, едят запасенное вяленое мясо и ждут, когда придет Далекий Гром и привезет товары, которые так нам нужны. Пройдет еще много времени, может быть целая луна, пока наблюдатели в форте заметят на реке дым из огненной лодки. Здесь, у подножия гор, людям будет легче, потому что дичи здесь больше.

– Святой человек, мы внемлем твоим словам, – сказал ему Белый Волк. Затем, выбивая пепел из выкуренной трубки, он воскликнул: – Смотрите, там! Теперь все горит!

Той ночью я не сомкнул глаз. Стоны и плач вдов и сирот были достойным сопровождением моим печальным мыслям. Как я ненавидел сам себя за то, что не повиновался моему дяде и потерял его замечательного скакуна! «Нет, если я не верну ис-спай-у, я никогда больше не покажусь дяде!» – сказал я сам себе много раз до того, как взошло солнце.

Едва небо посерело, как я разбудил Белого Волка и Питамакана, и мы взяли ружья и вышли. Некоторые воины уже ждали нас, другие только выходили из вигвамов. Мы рассеялись вверх и вниз по долине и равнине и нашли здесь и там табуны наших лошадей, спокойно пасшихся. Было так, как и предположил Белый Волк; налетчики не взяли обычную добычу, они получили ис-спай-у и других хороших скакунов, и теперь покидали нашу страну с такой скоростью, с какой могли.

Небо было покрыто тяжелыми тучами, и мы едва успели взять след и определить, кем были враги, до того как на нас обрушился ливень. В течение пяти минут каждый овраг, ведущий в долину, превратился в поток желтой пенящейся воды; следы врага был полностью стерты. Река Устричных Раковин быстро поднималась, расширялась и заливала пойму; мы должны были помочь женщинам переместить лагерь на более высокое место, но, хотя мы действовали быстро, все же вода унесла имущество нескольких семей. От горя некоторые мужчины и женщины кричали, что боги оставили нас.

Не обращая внимания на бурю, Белый Волк вызывал добровольцев, готовых отправиться к вождям в большой лагерь у форта. Мы с Питамаканом вызвались, быстро оседлали лошадей и тронулись в путь. Наши лошади должны были пройти по воде и грязи, глубина которых местами достигала колена.

Перед полуднем буря закончилась так же внезапно, как началась, и солнце снова засияло, но двигаться было тяжело, и устья реки мы достигли только к концу дня. Питамакан пошел в вигвамы вождей, чтобы передать им сообщение Белого Волка, а я, согнувшись в седле, медленно проехал в ворота форта. Один из работников увидел меня и сказал о моем приезде. Из нашего дома появилась Цисцаки, она побежала мне навстречу через весь двор, и Эбботт тоже вышел в сопровождении нескольких наших мужчин и женщин.

– О сын мой! – кричала Цисцаки, подняв ко мне перекошенное от страха лицо с широко раскрытыми глазами. – С тобой случилось что-то ужасное!

– Да! – ответил я. Хуже некуда! Враги вчера вечером украли у меня ис-спай-у!

Я с трудом удерживался от крика.

С тяжелым вдохом моя почти-мать всплеснула руками руки и заплакала.

– Томас Фокс, – нахмурившись, произнес Эбботт. – Это, конечно, твоя работа! Я тоже виноват, потому что должен был вчера пойти за тобой, чтобы привести скакуна в безопасное место. Но я не мог уйти; вчера вечером и сегодня утром у нас была большая торговля. Не хотел бы я быть на твоём месте, когда ты встретишься с дядей!

– Я не собираюсь появляться перед ним, пока не приведу с собой ис-спай-у, – сказал я ему. – Большой военный отряд отправляется в погоню за врагом, и я присоединюсь к нему. Я верну лошадь!

Я последовал за своей почти-матерью в нашу комнату, и, пока она готовила ужин, я сел на дядин стул, обтянутый бизоньей шкурой, перед камином.

Глава II,

в которой начинается священный пост

Скоро вошел Эбботт, он встал перед камином и не произнес ни слова. Потом, когда Цисцаки поставила на стол тарелки, появился Питамакан, который со счастливым видом напевал песню войны. Мы придвинулись к столу.

– Как быстро действует главный вождь Большое Озеро! – воскликнул Питамакан. – Едва я успел пересказать ему сообщение отца, как он уже принял решение. Последние слова еще не покинули моего рта, как он уже послал лагерного глашатая объявить всем людям, чтобы рано утром все были готовы к переезду; потом он обернулся к Бизону, Который Поворачивается, и велел ему собирать военный отряд, чтобы отомстить врагу за нанесенный нам вред.

– Я рад, что Бизон, Который Поворачивается, будет нашим предводителем, – сказал я. – Я предпочел бы следовать за ним, чем за любым другим воином пикуни.

Я заметил, что Питамакан бросил на мать странный взгляд, на который она ответила печальным кивком.

– Что такое? – импульсивно крикнул я. – Говорите. Что такое вы от меня скрываете?

– Сын мой, мы ничего от тебя не скрываем, – ответила она, – ты и сам должен знать, что ни Бизон, Который Поворачивается, ни какой-либо другой вождь не возьмет тебя в военный поход.

– Я не понимаю. Разве я не потерял ис-спай-у? Почему мне нужно отказаться в возможности забрать его у врага? – нетерпеливо спросил я.

– Потому что ты никогда не имел видения во время священного поста. Никто не может пойти в военный поход, пока не пройдет пост и не получит своего тайного магического покровителя, – объяснил Питамакан.

– Но я совсем другое дело. Я уже встречался с врагами и сражался с ними, – начал я.

– Не с военным отрядом, – сказала Цисцаки.

– Ха! Я пойду прямо к Бизону, Который Поворачивается и сам этим займусь. Я знаю, что он позволит мне присоединиться к его отряду! – крикнул я, отодвинулся от стола, схватил свою кепку и побежал прямо к вигваму воина.

Поспешно войдя, дрожа от волнения, я прервал совет, который он держал с большой группой своих людей. Все уставились на меня, когда я встал на колени рядом с дверным проемом; некоторые мрачно хмурились. Я чувствовал себя очень маленьким и незначительным в присутствии столь прославленных воинов.

Но я сразу набрался храбрости, когда Бизон, Который Поворачивается сказал мне спокойным голосом:

– Да, сын мой! Что мы можем для тебя сделать?

– Многое! Очень многое! – крикнул я ему через весь вигвам. – Вопреки приказу моего дяди я увел ис-спай-у из форта, чтобы отправиться с Белым Волком охотиться на бизонов. Вчера вечером вражеские налетчики угнали его. О вождь, ради любви к своим женам и детям я прошу тебя разрешить мне присоединиться к твоему отряду! Я должен вернуть эту замечательную лошадь! Ты знаешь, что я не трус и что я уже сражался с нашими врагами. Позволь мне идти с тобой как хранитель трубки, больше мне ничего не надо.

Продолжительная тишина последовала за моей просьбой. Я видел, что ни один из собравшихся больше не хмурится на меня, все в глубокой задумчивости пристально смотрели на огонь.

Потом вождь повернулся к известному жрецу солнца, сидящему справа от него, и сказал,

– Перья Хвоста, любимец солнца, ты должен дать ответ на его просьбу нашему молодому другу.

– Охтатойя, сын мой, – сказал мне старик, – мы долго наблюдали за тем, как ты растешь среди нас и становишься одним из нас, и мы очень горды, что ты теперь стал одним из нас. Мы знаем, что ты храбр и имеешь доброе и щедрое сердце. Однако, мой сын, в твоей просьбе мы должны тебе отказать – не потому, что боимся, что в бою ты струсил, а потому лишь, что, не постившись и не молившись, ты не получил покровительства богов и тем самым можешь подвергнуть опасности жизни тех, с кем пойдешь в поход. Война, мой сын, дело не только выносливости и храбрости; это – совершение, которое требует постоянных молитв и жертв от каждого участника похода, а ты не сможешь ни молиться, ни принести жертву, которую примут боги, пока не попостишься в одиночестве и не получишь покровительство богов. Это, сын мой, единственный ответ, который мы можем тебе дать, и мне жаль, что я должен так сказать.

Я повернулся и вопросительно посмотрел на вождя.

– Да, мой сын, – сказал он, – слова Перья Хвоста – наши слова. Но не падай духом. Будь храбр! Если боги помогут нам, мы найдем ис-спай-у и вернем его тебе.

Я хорошо знал, что бесполезно просить еще раз; решения военного совета никогда не менялись. Опечаленный, я пошел домой и снова сел перед очагом. Мои товарищи по выражению моего лица сразу поняли, какой ответ я получил, и хотя они и бросали взгляды в мою сторону, ни о чем меня не спрашивали.

– Питамакан, почти-брат, – сказал я после некоторых раздумий, – случилось то, что ты сказал. Бизон, Который Поворачивается, не позволит мне присоединиться к его отряду, потому что я не проходил священного поста. Но я не могу ждать ни здесь, ни в лагере, когда его воины вернут мне ис-спай-у. Может быть, они никогда его не найдут. Пойдем вместе искать его.

– Конечно я пойду с тобой ...

– О, я знал, что ты согласишься! – не стерпел я.

– Но только после того как ты пройдешь священный пост, – закончил он.

– Я давно хотела, чтобы ты прошел это! – воскликнула Цисцаки.

Я посмотрел на Эбботта, стоявшего по другую сторону очага.

– Сделай это! – решительно сказал он. – Хочешь знать почему? Это окончательно и навсегда сделает тебя своим среди черноногих и гро-вантров. И поверь мне, мальчик, это будет для тебя хорошим опытом; когда твой пост закончится, ты будешь знать о животных этой страны больше, чем иным путем узнал бы за всю жизнь.

Он говорил по-английски, и Цисцаки, которая хорошо его понимала, хотя сама на нем не говорила, обернулась к нему и укоризненно произнесла:

– О Оцими (Гнедой конь)! И это все, что ты можешь сказать моему сыну, чтобы он стал поститься? Я боюсь, что ты утратил веру в богов! Сам подумай, как ты смог пережить все опасности, которые угрожали тебе в течение многих лет и зим? Стоял бы ты здесь сейчас, если бы сам не прошел пост и не получил бы покровительство от богов?

Бедный Эбботт! Он покраснел и заерзал на стуле, не зная, что ответить. Для меня это было новостью – я и не знал, что в своей молодости он прошел обряд священного поста и не хотел, чтобы я об этом знал. Я поспешил избавить его от смущения.

– Почти-брат, почти-брат! – воскликнул я. – Я сделаю все, что ты говоришь, но как сделать это быстрее?

– Позвольте решить это моему отцу или старому Красному Орлу, – сказал Питамакан.

К восьми часам следующего утра караван пикуни, длиной в милю, потянулся по долине реки Устричных Раковин. Мы с Питамаканом обогнали его и к четырем часам оказались в лагере Белого Волка. Большинство людей прибыли в лагерь так поздно, что им едва хватило времени поставить вигвамы и развести костры до того, как темнота опустила на долину.

У Белого Волка были для нас новости. Как ни силен был ливень накануне, все же полностью следы врагов он не смыл; в нескольких местах вверх по реке были обнаружены следы лошадей. Общее мнение было таково, что налетчиками были Вороны, и что они побежали на юг как могли быстро под защиту своего племени – куда-нибудь на Лосиную реку (Йеллоустоун) или южнее, где простирались обширные равнины и горы, которыми владели Речные Вороны и их родичи, Горные Вороны. За последние два года их военные отряды были самыми упорными в желании завладеть ис-спай-у. Мы всегда пресекали эти попытки и им до сих пор ничего не удавалось, и только сейчас из-за моей самоуверенности они завладели ис-спай-у. Как я тем вечером ненавидел самого себя! Еда, которую мне предложили, имела горький вкус.

В течение дня разведчики нашли к западу от лагеря стада бизонов, многочисленных как трава, и другой дичи у подножия Мокассиновых гор. Ранним вечером вожди посоветовались и решили переместить лагерь к самым истокам ручья Это Их Сокрушило, а не к подножию Снежных гор, и, пока они совещались, Бизон, Который Поворачивается и сто его воинов собрались в трех хижинах для потения, где в облаках густого пара, поднимавшегося от раскаленных камней, обрызганных водой, Красный Орел, Перья Хвоста, и другой жрец солнца искренне просили богов сохранять их от всех опасностей и обеспечить им успех в их делах. Незадолго до полуночи я услышал, как вождь созвал своих воинов и после этого слышен был мягкий шелест обутой в мокасины ног, потому что проходили они мимо нашего вигвама.

На следующий день мы переехали на запад, к истоку ручья Это Их Сокрушило. Волнистая равнина действительно изобиловала бизонами и антилопами, и когда мы поднялись по пологому склону, чтобы разбить лагерь в большой роще хлопковых деревьев у истока ручья, лоси и олени разбежались при нашем приближении. После полудня одна за другой группы охотников покидали длинный караван и вскоре возвращались, везя столько мяса, сколько могли привезти их лошади. Когда солнце стало склоняться к западу, весь растянувшийся лагерь был полон смеха, веселых разговоров, барабанного боя и танцев, кроме трех или четырех вигвамов, где женщины и дети непрерывно оплакивали своих любимых, убитых во время последнего набега.

Днем Питамакан сказал Белому Волку и Красному Орлу, жрецу солнца, о моем намерении пройти священный пост, и теперь, ужина, эти двое мужчин говорили со мной на эту тему.

– Охтатоя, сын мой, – сказал мне Белый Волк, – мы очень рады, что ты решил выдержать священный пост и тем самым приобрести покровительство богов. Когда-то, в дни моей юности, мы стояли на этом же месте, где стоим сейчас, и когда мне пришлось поститься, я выбрал для этого место прямо на запад отсюда. Я советую тебе держать пост на этом же месте. Иди вдоль подножия гор, и ты найдешь выступающий холм со склоном, как утес, у подножия которого бьет глубокий чистый родник. К этому роднику приходят многие дети прерий, а со склонов гор к нему идет тропа детей гор, которые идут туда утолить жажду. Ты будешь молиться всем им, прося помощи, и, без сомнения, один из них снизойдет к тебе и даст тебе возможность увидеть то, что ты хочешь. Недалеко от родника, на утесе ты найдешь невысоко

расположенную скальную полку со стоящей на ней одинокой сосной. Под этим деревом я и лежал, используя вместо подушки бизоний череп, и тебе советую лежать там же.

– Я пойду туда, – сказал я,

– Это хорошо. Ты придешь в мой вигвам рано утром, и я все тебе расскажу, – сказал старый Красный Орел и, улыбнувшись, поднялся и пошел к себе.

Специально для меня Красный Орел следующим утром достал свою громовую трубку и со своими помощниками провел церемонию. Сначала он выкрасил мое лицо и руки в красный цвет, любимый и священный цвет Солнца; потом он попросил богов неба и богов земли, воздуха и воды дать мне хорошее видение; наконец он дал мне указания. Я не должен был ничего есть; я мог пить воду только после заката и перед восходом солнца. Я не должен был смывать священную краску с лица и рук, пока я не закончится мой пост. Во время бодрствования должен был просить богов и каждое увиденное мною животное, стать моим помощником, моим щитом от всех опасностей на всю жизнь.

Я пошел от вигвама со странным чувством восторга и уважения к вере моих друзей в их богов. Я не спрашивал себя, полностью ли я разделяю их веру. Я видел много очевидно прямых ответов на их молитвы и жертвы, и всего несколько вечеров назад, вскоре после того, как Солнце нарисовало себя, мы перенесли тяжелую потерю. Я был настроен выполнить указания старого шамана во всех деталях. Если бы я склонялся к вере черноногих, то моей вины в этом не было: с нею я знаком был с детства и до сегодняшних дней своей юности. Мои воспоминания о раннем детстве в далеком Сен-Луисе и то, чему учили меня отец и мать, унесенные эпидемией оспы, походили на туманный сон.

Пока мы с Питамаканом и я ловили и седлали двух из наших лошадей, женщины принесли из нашего вигвама немного вещей, которые могли понадобиться мне во время поста – два плаща их бизоньей шкуры и два одеяла, ружье, боеприпасы, нож. Мы привязали постельные принадлежности позади седел, сели верхом и проехали сквозь лагерь на запад, пока лагерьный глашатай по приказу Большого Озера и его совета вождей клана просил людей не охотиться и не появляться рядом с холмом, где мне предстояло провести священный пост.

Приблизительно в шести милях от лагеря мы добрались до нужного места. Около утеса мы спешили, и я поднялся вверх на скальную полку под одинокой сосной и увидел бизоний череп, который Белый Волк использовал в качестве подушки во время своего поста – это было так давно, что с тех пор он пожелтел и покрылся зелеными пятнами. Питамакан передал мне постельные принадлежности и ружье, взял мою лошадь за поводья и сел в седло.

– Я возвращаюсь домой, – сказал он. – Я буду молиться, чтобы здесь ты получил видение и приобрел священного покровителя.

– Я сделаю все, что могу; остальное – дело богов, – ответил я, лег на полку и с волнением наблюдал, как он исчезает из моего поля зрения. Волновался я весь этот день. До меня внезапно дошло, что я нахожусь в очень опасном положении, и я едва не вскочил, чтобы позвать Питамакана и отправиться с ним обратно в лагерь, но сделать этого не смог; позор был бы сильнее, чем я мог перенести.

– Теперь, раз уж решение принято, его следует выполнять, – сказал я себе, повернулся и стал скидывать камни и палки, скопившиеся под деревом, потом устроил себе удобное ложе, положил свернутое одеяло на череп бизона в качестве подушки и лег, повернувшись к роднику, до которого от меня было пятьдесят ярдов вниз по склону. Он находился в каменистой низинке и был диаметром в десять или двенадцать футов и очень глубоким. Из него сочился маленький ручеек, который скоро пропадал на измученной жаждой равнине. Следы животных сходились к нему со всех направлений. Глядя на него и постоянно ожидая появления идущих на водопой животных, я скоро уснул.

Когда я пробудился, настала ночь, и полная луна ярко светила восточной части небосклона. Я очень хотел есть и меня мучила жажда. Я посмотрел вниз на родник и увидел неболь-

шую группу лосих, столпившихся вокруг него, к некоторым прижимались новорожденные телята.

– Хай-и! Ским понокахс! Кимокет! Нокспумокет! (О женщины-лоси, пожалейте меня! Помогите мне!) – шепотом попросил я их.

Наблюдая за ними, я снова уснул и не просыпался, пока в восточной части неба не появился первый свет.

Теперь к роднику подходила группа из двадцати пяти или тридцати бизонов, все были коровами, к бокам многих из них прижимались забавные рыжие телята; их вела большая корова с двумя телятами. Как всегда в это время года, их сопровождала стая маленьких черных дроздов – или, как называли их черноногие, кси-ни-у, бизоньи птицы. Картина была обычная – они сидели на спинах бизонов по четыре-пять на каждом, оберегая их от комаров и moskitov, которые тучами слетались к животным, то и дело взлетая в воздух и садясь назад. Любимыми местами комаров были голые веки бизонов, и птицы часто цеплялись за грубую шерсть над глазами и защищали их от укусов. Черноногие говорили, что бизоны им за это очень благодарны и в ответ разрешают им вить гнезда и высиживать птенцов в густых длинных волосах на своих массивных головах.

Когда стадо собралось вокруг небольшого родника, произошла большая давка, и более спокойные животные уступили более агрессивным, они встали позади и напились после них. Когда все они утолили жажду, то улеглись в круг вокруг родника, причем телята оказались в середине этого круга.

Из дальних окрестностей холма ко мне донесся вой одинокого волка, протяжный, печальный, медленно повышающийся и понижающийся, который, казалось, заключал в себе все горести мира. Хотя этот вой был грустным, я любил его слушать. Я соглашался с черноногими, которые говорили, что волчий вой приятнее для их слуха, чем дрожащие крики журавлей, трубный глас лебедей или гогот гусей, летящих над великими равнинами.

Снова завыл одинокий волк, и ему ответили другие – некоторые были совсем рядом, некоторые так далеко, что я едва мог услышать их. Я, разумеется, знал, что этот волк был вожаком стаи и собирал своих товарищей для охоты.

Я подумал, что волки могут собраться здесь, и действительно, примерно в течение получаса они собрались – их было тринадцать, и пришли они с востока. Их вожак, крупный светлый самец, очевидно, планировал устроить утреннюю охоту, и повел свою стаю по тропе, часто останавливаясь, чтобы обнюхать растущие тут и там кусты шалфея. Масть остальных волков менялась от серой до почти черной. Их густая шерсть вздымалась над плечами, подрагивая при ходьбе, их толстые круглые хвосты изящно свешивались, их широкие лбы свидетельствовали об их уме. Как говорили черноногие, это были самые умные и успешные охотники во всем мире.

Теперь, когда старый белый вожак приблизился к низинке, в которой был родник, он увидел расположившихся вокруг родника бизонов и резко остановился, а остальные волки тоже замерли в неподвижности, словно статуи, столпившись позади него.

Бизоны вели себя не так. Корова, лежавшая к западу от родника, обнаружила врага и с громким фырканьем вскочила на ноги с проворством, которого трудно было ожидать от такого крупного животного, и, наклонив голову, встала перед волками. Ее шерсть встала дыбом, как у рассерженной собаки. Другие коровы тоже встали и столпились позади нее. Маленькие телята вскочили еще быстрее, и некоторые из них в испуге бросились бежать, но сделав несколько прыжков, они побежали назад, забились под брюхо своих матерей и скрылись из вида.

Волки теперь немного расслабились, придя в себя от неожиданной встречи с бизонами; они беспокойно топтались и поглядывали друг на друга и на стадо; потом, словно по приказу старого вожака, несколько из них не спеша. Словно прогуливаясь, пошли, окружая стадо, хотя

и на очень почтительном расстоянии. Вожак сел, а остальные волки продолжали стоять прямо за ним.

Несомненно, в надежде обнаружить спящего теленка окружившие стадо разведчики шли зигзагами от одного куста полыни до другого; те, что шли ближе к склону, прошли в пятидесяти футах от меня. Вслед за их движением коровы поворачивали головы и скоро стадо представляло собой круг из угрожающе наклоненных голов с острыми рогами и сверкающими глазами. Волки были вооружены опытом предков, накопленным в течение бесчисленных лет; они знали, что нападение на стадо приведет к тому, что их забодают насмерть, и что они не смогут обратить храбрых коров в бегство и отбить телят.

Разведчики окружили стадо, остальные были там и тут, и все смотрели на старого вожака, который не спеша встал и отправился в обратный путь. Проходя мимо коров, он не удостоил их даже взглядом, и ушел вместе со стаей, обогнув холм.

Бизоны еще долго после ухода волков оставались неподвижными, а потом все стадо вместе с прижимавшимися к матерям телятами пошло вниз, на травянистую долину, чтобы попасться.

Я призвал волков и бизонов – или скорее их дальних предков на помощь себе, шепча слова молитвы, которым научил меня старый Красный Орел. Теперь я понял, что нахожусь на виду у всех посетителей родника, поэтому я встал, отломил у сосны большую развесистую ветку и положил ее между своим ложем и наружным краем полки; с удовлетворением я понял, что в этой защите я очень нуждался.

Я только лег, когда, глядя сквозь пучки зеленых игл, увидел старого белого волка и его стаю, стремительно бегущих назад вокруг холма к роднику. Их хвосты больше не были вытянуты; они во время бега оглядывались назад через плечо и по тому как они бежали, я знал, что они бежали по одной причине: они испугались человека. Они пересекли низину и ушли по ее восточному склону. Тогда, обернувшись на запад, я увидел, что холм огибает военный отряд. Я насчитал сорок три человека. Совершенно определенно это не были черноногие, потому что у них не было ни щитов, ни бахромы на одежде, ни раскрашенных парфлешей с военными одеяниями и головными уборами. Несомненно, это был вражеский отряд. Я вжался в свое ложе под защитой сосновой ветки и стал молиться солнцу, чтобы оно меня защитило.

Глава III,

в которой пума поднимается на склон

По мере приближения врагов я смог рассмотреть, что некоторые из них носили одежду из выделанной лосиной кожи, на одном одежда была из белой кожи горного козла; они явно принадлежали к одному из западных племен. Все они были низкорослыми, с массивными телами грубого сложения. Их грязные короткие волосы, казалось, никогда не расчесывались и не заплетались. Вооружены они были луками и стрелами, только трое или четверо из них имели ружья. Похоже, что они принадлежали к одному из племени Змей – их многочисленные представители жили у истоков Змеиной реки и вдоль Колумбии. Я слишком хорошо знал, какой будет моя судьба, если они увидят меня.

Они спустились к роднику, собрались вокруг него, встали на колени и напились. Один из них повернулся и осмотрел утес, глядя прямо на полку, где я лежал. Он сказал что-то своим товарищам и указал прямо на меня. Сказал ли он им, что сосновая ветка не могла сломаться от собственного веса? Ее белый свежий излом явно об этом говорил.

Я испустил громкий стон. Почему я не замазал место излома с влажной землей? То, что должно было меня защищать, теперь меня погубит? Меня прошиб холодный пот.

Трое или четверо его товарищей повернулись и посмотрели туда, куда он указывал, и я вцепился в свое ружье. Если бы они стали подниматься ко мне, то я застрелил бы их предводителя, вскочил бы с полки и убежал; у меня было бы преимущество в пятьдесят ярдов, а возможность того, что их стрелки попадут в меня, была минимальной, так что убежать от них я бы смог. Я отчаянно стал молиться о помощи. Словно в ответ на это, произошло что-то, что отвлекло их внимание от моего убежища. С громким восклицанием человек с нижнего края круга показал на равнину, где в шести или восьми милях к северо-востоку большое стадо бизонов выбегало из поросшей соснами долины ручья Это Их Сокрушило. Бегущие животные, особенно большое стадо, обозначают одно – присутствие человека. Враги долго в полном молчании наблюдали за бегущим стадом, пока последние животные не исчезли за холмами с поросшими соснами вершинами. Никакие всадники их не преследовали, и я понял, что их, скорее всего, напугали несколько охотников, которые ставили ловушки на бобров вдоль ручья. Как я был доволен, что всадники не преследовали бизонов! Враги у родника сразу поняли бы, что наш лагерь недалеко, и, конечно, расположились бы рядом, чтобы подстеречь неосторожных охотников или угнать лошадей, за которыми они и пришли. А поскольку охотники бизонов не преследовали, они решили, что бизонов напугал военный отряд, и, судя по тому, что я знал о Змеях, они должны были приложить все усилия, чтобы избежать встречи с ним.

Они быстро и бурно посовещались. Потом, низко пригнувшись и не глядя больше в моем направлении, они один за другим пошли назад, по той же звериной тропе, по которой пришли к роднику. Мои напряженные мышцы обмякли, и я почувствовал внезапную слабость. Со страхом я понял, что боги избавили меня от большой опасности.

Меня нельзя сильно винить за то, что в те далекие времена своей юности я верил в индейских богов; моя вера была естественным результатом моей жизни среди индейцев. Как дети в цивилизованных домах несомненно принимают веру своих родителей, так и я принял веру Цисцаки, моей почти-матери, и моих дорогих друзей и товарищей из племени черноногих.

Я был голоден, а горло мое пересохло, но я не мог напиться воды из прохладного глубокого родника, пока не зашло солнце! Я перестал думать о еде и воде и переключил свои мысли на другие вещи. Я задавался вопросом – а будет ли мне видение? И если будет, то какое древнее животное или птица станут на всю жизнь моим покровителем? Поскольку я подумал о небольшом стаде коров и телят, которые к роднику, чтобы напиться и отдохнуть, мне на ум пришли странные рассказы о бизонах, особенно легенда о Четырех Быках, которая была любимой у шаманов черноногих. Вот она.

В те дни, когда все великие равнины принадлежали черноногим и люди не знали, что такое война, однажды мужчина попросил своих жен навьючить собак. Когда все было готово, он пошел впереди, и они пошли искать новую страну. Однажды вечером, сидя у маленького костра в своем вигваме, они услышали тяжелые, медленно приближающиеся шаг; потом дверное полотно откинулось и вошли четыре изящно одетых молодых человека. Охотник приветствовал их, усадил на почетные места в задней части вигвама и велел женам накормить их. В ответ на его вопросы они сказали, что их лагерь находится далеко, а они просто путешествуют, чтобы посмотреть страну. Они не стали оставаться после того, как поели и выкурили трубку мира, но обещали снова его навестить. Когда посетители ушли в ночной темноте, охотник и его жены задались вопросом, почему они так тяжело ступали?

Следующим вечером мужчина и его жены снова слышали звук тяжелых шагов по сухой земле, и снова эти четыре незнакомца вошли в вигвам. В этот раз они оставались почти до полуночи; и когда разговор зашел о священных вещах, они сказали, что Солнце оказывает им большое покровительство. Они научили хозяина нескольким молитвам и песням.

Четыре ночи незнакомцы посещали охотника, рассказав ему как поклоняться Солнцу и получить его покровительство; но последней ночью, после того, как они провели в вигваме некоторое время, начался небольшой снегопад, и это, казалось, их сильно беспокоило. Они посмотрели друг на друга и стали беспокойно ерзать на сидении и наконец сказали охотнику, что научили его всем священным обрядам, которые знали, и что теперь решили продолжить свое путешествие. Они вышли из вигвама, и в последний раз небольшая семья услышала звук их тяжелых шагов. Одна из жен снова заметила, что было странно, что такие молодые люди делают такой шум при ходьбе.

Потом она вышла из вигвама и вскоре после этого крикнула мужу, чтобы он подошел к ней. Все вышли наружу, и она указала им на снег.

– Посмотрите только на следы наших гостей! – кричала она.

Они уставились на них и едва смогли поверить своим глазам, потому что следы, которые они увидели, были следами бизонов.

Одна из жен разрыдалась.

– Нам грозит неудача, может быть даже смерть! – кричала она.

– Тише, женщина! Осушите свои слезы и радуйтесь, – сказал человек. – Разве вы не понимаете, что наши гости – это наши друзья, что они искренне и терпеливо обучили меня всем обрядам своей замечательной магии бизонов? Боги добры к нам! Давайте радоваться! Давайте радоваться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.